

84(3)
к 53

Йоста Кнутсон

Налле Лапсон и Тяпка

Йоста Кнутсон

Налле Лапсон и Тяпка

Иллюстратор
Лисбет Хольмберг

Перевод со шведского
Екатерины Чевкиной

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2019

ББК 82/821-93
УДК 84-4(4Шве)
К53

ISBN 978-5-00114-077-1

Text © Gösta Knutsson

Illustration © Lisbet Holmberg

First published by Bonnierförlagen AB

**Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights,
Stockholm, Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden**

© Екатерина Чевкина, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2019

Содержание

Глава первая	
Можно в Африку. Или в Сундбюберг.....	9
Глава вторая	
Я только хотел спросить.....	13
Глава третья	
А писем в это время года много пишут?.....	19
Глава четвертая	
Медвежий билет, пожалуйста.....	23
Глава пятая	
Ты поедешь в корзинке.....	28
Глава шестая	
Моя собака едет в корзинке.....	32
Глава седьмая	
Вот наши визитки.....	37
Глава восьмая	
Глянь-ка, София, это медведь!.....	42
Глава девятая	
Мне бы меду.....	48

Глава десятая	
Почему музыка такая противная?	53
Глава одиннадцатая	
Где живут медведи — в хлеву, в берлоге или в скворечнике?	58
Глава двенадцатая	
Просто нужно иметь смекалку	63
Глава тринадцатая	
Я, кажется, съел одну сосиску на улице	68
Глава четырнадцатая	
Породистые — это значит из приличной семьи	73
Глава пятнадцатая	
В Гаване кто-нибудь сходит?	78
Глава шестнадцатая	
Мы верим в Шипучку	83
Глава семнадцатая	
Слово имеет Налле Лапсон!	88
Глава восемнадцатая	
Жалко, что у нас так мало денег	94
Глава девятнадцатая	
Надо написать Лотте	98

Глава двадцатая	
Куда они подевались?.....	102
Глава двадцать первая	
Палатка или что-то вроде.....	107
Глава двадцать вторая	
До чего живой памятник!.....	111
Кто такой Налле Лапсон	
и за что его любят дети и взрослые?	116

Глава первая

Можно в Африку. Или в Сундбюберг

— Кое-что мне очень по душе, — сказал как-то Налле Лапсон.

— Знаю я, что это за кое-что, — сказал Тяпка. — Мед называется.

— Мед мне по душе, кто бы спорил, — согласился Налле Лапсон. — Но сейчас я имел в виду кое-что другое. Мне очень по душе, что мы с тобой теперь друзья.

— Фу! — сказал Тяпка.

— Почему ты сказал «фу»? — не понял Налле Лапсон.

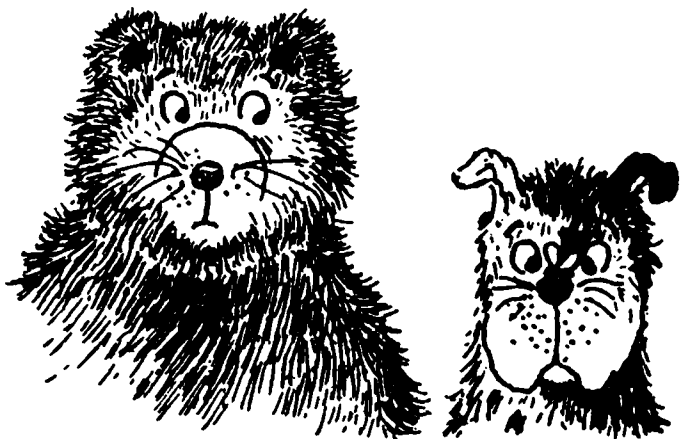
— Это я мухе, она села мне на нос. Когда мухи садятся мне на нос, я им всегда это говорю. А в остальном ты прав.

— В чем прав? — не понял Налле Лапсон.

— Ты все правильно сказал, — сказал Тяпка.

— А я уж и забыл, что я сказал, — сказал Налле Лапсон.

— Ты говорил, как здорово, что мы с тобой теперь друзья, — сказал

Тяпка. — Я тоже так думаю. Мне было очень одиноко, пока мы с тобой не встретились.

— В общем, тут такой момент, — сказал Налле Лапсон. — Есть у меня одна идея.

— Фу! — сказал Тяпка. — Ой, прости, опять эта муха. А что за идея?

— Знаешь, — сказал Налле Лапсон, — мне кажется, нам надо отправиться путешествовать.

— А куда? — спросил Тяпка.

— Пока не знаю, — сказал Налле Лапсон. — Можно в Африку. Или в Сундбюберг. Это не так важно. Главное — выбраться из дому и малость проветриться. Ну, и выйти в широкий мир, само собой.

— В данном случае в Лильбакку, — заметил Тяпка.

— Лильбакка по-своему хороша, — сказал Налле Лапсон. — А Лотта и бабушка очень добрые и милые, но все равно — забавно было бы прокатиться и по другим городам и весям.

— Даже не знаю, получится ли выбрать-ся, — вздохнул Тяпка.

— Как это? Хозяин с хозяйкой не пустят?

— Я не о том. Понимаешь, кто-то должен стеречь дом, закапывать мясные косточки, да и других хлопот невпроворот. Кто этим всем будет заниматься, если я уеду?

— С твоими хозяевами я договорюсь, — пообещал Налле Лапсон. — Чтобы тебе дали отпуск на недельку-другую. И Лотте скажу, само собой. Что я отправляюсь в командировку. И поедем — ты да я.

— Было бы здорово! — сказал Тяпка. — Но это, наверно, денег стоит?

— Будем экономить, — сказал Налле Лапсон. — Кстати, у меня полно денег в свинье-копилке. Не меньше

четырнадцать крон. Как минимум тридцать восемь.

— Но путешествовать вроде положено с чемоданом? — спросил Тяпка.

— Это лишнее, — сказал Налле Лапсон. — Хотя чемодан не повредит. Чтобы сразу было видно, что мы путешествуем. Чемодан я могу одолжить у Лотты. А заодно и цветастый саквояж.

— Кстати, в чемодан и саквояж можно положить косточки, — заметил Тяпка.

Глава вторая

Я только хотел спросить

— Что с тобой, Налле Лапсон? — спросила Лотта. — У тебя какой-то странный вид. Ничего не случилось? Ты, часом, не набе-докурил?

Налле Лапсон хихикнул.

— Нет, конечно, — сказал он. — Ничегошеньки такого не случилось. Но, может, ты позволишь мне помочь тебе сметать пыль?

— Нетушки! А то что-нибудь наверняка случится, — сказала Лотта.

Налле Лапсон призадумался.

— Ну да-а, — согласился он.

Лотта обметала от пыли бесчисленные бабушкины безделушки. Фарфоровых собачек, и вазочки, и морские раковины, и старинные дедушкины табакерки, и кофейную чашку с надписью «БАБУШКИНА ЧАШКА». А бабушка в это время спала у себя в комнате после обеда.

— Но смотришь ты все-таки как-то странно, — сказала Лотта. — Как будто хочешь что-то сказать, но не решаешься.

Налле Лапсон страшно смутился.

— Само собой, всякому, так сказать, есть что сказать, — сказал он. — И так далее и тому подобное. А тебе бы только пыль обметать.

Тут Лотта опустила метелку для пыли.

— Что тебе нужно, Налле Лапсон? — спросила она серьезным голосом.

— Ничего такого, — ответил Налле Лапсон, смутившись еще больше. — Я только хотел спросить.

— Спросить? — переспросила Лотта. — Ну и о чем же?

— Я хотел спросить, — сказал Налле Лапсон, — правда здорово, когда стоит такая хорошая погода? И так далее, и тому подобное. В смысле ясных дней и видов на урожай.

— А о чем-нибудь еще ты спросить не хотел? — спросила Лотта.

— Само собой, всякому есть, так сказать, о чем еще спросить, — сказал Налле Лапсон. — Например...

— Например, что? Давай-ка выкладывай, Налле Лапсон!

— Ну, в общем, например, — сказал Налле Лапсон, — мне бы очень хотелось знать, не возражаете ли вы с бабушкой, если, скажем, мы... Скажем, я и Тяпка...

— Скажем, вы — что? — переспросила Лотта.

— Ну, тут такой момент, — сказал Налле Лапсон. — Ты давай пыль обметай! Ну, как уже сказано выше... Тяпке нужно выйти поразмяться, а я бы отправился с ним вместе, и мы бы отлучились недельки так на три-четыре. Ну максимум, так сказать, на две.

— А куда именно вы собрались? — спросила Лотта.

— Понимаешь, мы еще толком не решили, — сказал Налле Лапсон. — Но что куда-нибудь — это уж точно.

— И вы не боитесь путешествовать одни? — спросила Лотта.

— Нет, что ты! Мы ведь и раньше путешествовали! Еще и денег заработаем! Можно, например, торговать бритвами

и выступать с лекциями. А потом я смогу написать книгу о путешествии.

— Да ты едва умеешь свое имя писать, Налле Лапсон! — сказала Лотта.

— Вот и нет, я теперь отлично пишу, — обиделся Налле Лапсон. — Я умею писать и «Лотта», и «бабушка», и «Лильбакка», правда, не помню, через «о» она пишется или через «бак».

— Да ты у меня прямо молодец, — кивнула Лотта. — И больше не повторяешь глупостей, как маленький. Когда ты клумбу называл «клубумбой» и болтал всякую чепуху.

— Но тут еще такой момент, — сказал Налле Лапсон.

— Что такое? — спросила Лотта.

— Даже не знаю, как бы лучше сказать, — сказал Налле Лапсон. — Но для начала понадобится некоторая сумма денег, и в этой связи мне страшно бы хотелось спросить, не станет ли кто-нибудь возражать, если я разобью свою свинью-копилку.

— Это же твои собственные деньги, — ответила Лотта. — Разумеется, ты можешь их тратить, как тебе хочется.

— Крайне любезно с твоей стороны, позволь выразить тебе в этой связи сугубую благодарность, — сказал Налле Лапсон. — И в таком случае...

Он отвел глаза.

— Что-нибудь еще? — удивилась Лотта.

— Вообще-то нет, — сказал Налле Лапсон. — Хотя, строго говоря, да, есть, в принципе, еще одна вещь. Как раз про нее я и собирался спросить. Нельзя ли одолжить у тебя чемодадан?

Глава третья

А писем в это время года много пишут?

Налле Лапсон отправился к дому почтмейстера Штемпелиуса. Потому что там жил Тяпка.

Дверь ему открыла почтмейстерша.
— Позвольте пожелать вам хорошего денечка, — сказал Налле Лапсон. — Нельзя ли зайти и почувствовать себя как дома?
— Конечно, прошу вас, заходите, господин Лапсон! — сказала почтмейстерша.
— Разрешите поблагодарить вас за такую любезность, — сказал Налле Лапсон и поклонился.
— Садитесь, пожалуйста, — пригласила почтмейстерша. — Вот усаживайтесь в папино кожаное кресло.

Налле Лапсон уселся, почтмейстерша тоже.

Оба молчали. Почтмейстерша, вообще-то дама весьма разговорчивая, никогда прежде не беседовала с медведями и теперь не знала, с чего начать. Но

что-то сказать все-таки нужно, думала она и, подумав еще, сказала:

— Полагаю, в это время года все берлоги закрыты на лето?

— Пожалуй, — сказал Налле Лапсон. — Пожалуй, так оно и есть.

Снова возникла пауза. Наконец Налле Лапсон произнес:

— А писем в это время года много пишут?

— Пожалуй, — ответила почтмейстерша. — Пожалуй, их пишут немало.

— Господин почтмейстер, полагаю, на почте, — сказал Налле Лапсон. — Все штемпелюет.

— Именно, — подтвердила почтмейстерша. — И Тяпки тоже нет дома.

— Это я знаю, — сказал Налле Лапсон. — Он сидит на улице и ждет, что я его обрадую хорошими новостями.

Вид у почтмейстерши сделался недоуменный.

— Пожалуй, нужно прояснить ситуацию, — сказал Налле Лапсон. — Видите ли, мне предстоит небольшая поездка, недельки так на две, и было бы просто замечательно, если бы Тяпка мог

составить мне компанию. Если это вас устроит.

— Нас это еще как устроит, — обрадовалась почтмейстерша. — Мы с супругом как раз собирались уехать на несколько дней и думали, куда бы деть Тяпку.

— А теперь его и девать не надо, — сказал Налле Лапсон. — Если он поедет со мной.

— Только бы вернулся живой и здоровый, — ответила почтмейстерша с тревогой в голосе.

— Под мою ответственность, — заверил Налле Лапсон и протянул ей лапу. — Полагаю, дело можно считать решенным? В таком случае не сочтете ли за труд передать мой почтительный привет вашему сугруппу?

И Налле Лапсон удалился, без конца кланяясь. На улице его ждал Тяпка.

— Ну-у? — спросил он с нетерпением. —

Как? Отпустила? В смысле... мы едем?

— Едем, — подтвердил Налле Лапсон. — Дело наше бифф! Чтобы не сказать буфф!

Тяпка радостно завилял хвостом.

— Но прежде чем ехать, надо много чего утрясти, — сказал Налле

Лапсон. — Я решил, что для начала мы поедem на поезде, а на него понадобятся билеты. А еще нужно будет сходить со всеми попрощаться. Чтобы знали, что мы отправляемся в путешествие!

— Надеюсь, нас ждет множество приключений! — воскликнул Тяпка.

— Я тоже надеюсь, — согласился Налле
Лапсон. — А еще я надеюсь попробовать по пути как можно больше всякого меда.

Глава четвертая

Медвежий билет, пожалуйста

— Жалко мне тебя, свинья-копилка, но придется тебя разбить, — вздохнул Налле Лапсон.

Монет в копилке оказалось немало, и серебряных, и медных. Налле Лапсон пересчитал их трижды. В первый раз получилось шестьдесят восемь, во второй раз — пятьдесят три, а в третий — восемьдесят девять монеток. Налле Лапсон почесал в затылке.

— Никак не сосчитаешь, Налле Лапсон? — спросила Лотта.

— Не то чтобы совсем уж никак, — ответил Налле Лапсон, — но меня это не увлекает. И не нравится, что деньги такие необязательные.

— В каком смысле? — не поняла Лотта.

— Ну, их то больше, то меньше — порядка никакого. Будь я монеткой, я бы постыдился так себя вести.

— Давай-ка я тебе помогу сосчитать, — предложила Лотта.

— На здоровье, — сказал Налле Лапсон. — Не то чтобы мне это было так уж нужно, но если тебе хочется, то не буду мешать.

Лотта пересчитала все монетки — тоже трижды. И все три раза их оказалось шестьдесят четыре.

— Но главное — не сколько тут монет, — сказала Лотта, — а сколько денег.

— А разве это не то же самое? — удивился Налле Лапсон.

— Нет, ведь бывают монеты в целых сто крон, а бывают всего в одно эре.

— Какая необязательность! — покачал головой Налле Лапсон.

Лотта сосчитала деньги, и выяснилось, что всего их у Налле Лапсона тридцать девять крон и двенадцать эре.

— Могу я взять их все? — спросил Налле Лапсон.

— Бери, — сказала Лотта, — только береги их, пожалуйста.

— Я буду их страшно экономить, — пообещал Налле Лапсон. — Когда я вернусь, у меня еще крон пятьдесят точно останется.

Налле Лапсон отправился на станцию и постучал в окошко билетной кассы. Поначалу за этим ничего не последовало, да и потом тоже, но в конце концов в окошке показалась голова начальника станции господина Станса.

— Между прочим, мне пришлось встать из-за стола, — сообщил он, стряхивая с усов хлебные крошки. — Я, между прочим, завтракаю.

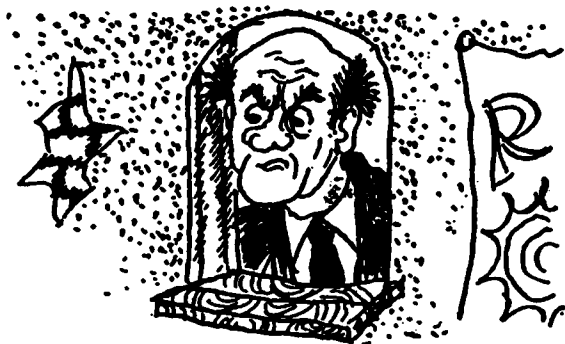
— Я заметил, — сказал Налле Лапсон. — У господина Встанса яичный желток на правой щеке. Или на левой, это смотря откуда смотреть.

— Ты меня побеспокоил, чтобы это сообщить? — сердито спросил начальник станции.

— Есть такой момент, — ответил Налле Лапсон. — Но еще я бы хотел поехать на поезде. Если это вас устроит.

— Поездка на поезде стоит денег, — сообщил господин Станс.

— Я знаю, — ответил Налле Лапсон, — и я бы хотел поехать за вот это.

И протянул зажатые в кулаке деньги. Их было ровным счетом восемь крон. — Медвежий билет, пожалуйста, — уточнил Налле Лапсон.

— Восемь крон стоит билет до Вестерчёпинга. Берем?

— Отлично, — сказал Налле Лапсон. — Всю жизнь мечтал увидеть Вестерчёпинг.

Он получил билет, но уходить не спешил.

— Что-нибудь еще? — спросил начальник станции. — Или я могу продолжить завтрак?

— Видите ли, — сказал Налле Лапсон, — тут такой момент. У меня есть одна знакомая собака, которая, насколько

я знаю, намерена поехать со мной. Это возможно?

— Тогда понадобится собачий билет, — сказал господин Станс. — Либо везите ее в корзинке — тогда это бесплатно.

И с такими словами начальник станции господин Станс захлопнул окошко.

Глава пятая

Ты поедешь в корзинке

- Я пришел сообщить тебе неприятную новость, — сказал Тяпке Налле Лапсон. — Ты поедешь в корзинке.
- В корзинке? — переспросил Тяпка.
- В корзинке! — подтвердил Налле Лапсон.
- Типичный случай, — сказал Тяпка. — Ходишь тут, радуешься, что мы с тобой отправляемся поразмяться, и вот являешься ты и говоришь, что я поеду в корзинке.
- Придется, — сказал Налле Лапсон. — Иначе выходит слишком дорого.
- А сам тоже в корзинке поедешь? — угрюмо спросил Тяпка.
- Нет, — ответил Налле Лапсон.
- Значит, он не поедет! — возмутился Тяпка. — Вы только полюбуйтесь на него! Позволь спросить, с какой такой стати другие поедут в корзинке, а ты нет?
- Для собак существуют ограничения, — сказал Налле Лапсон. — Что я могу

поделать? К тому же так мы экономим восемь крон. На которые мы... ты сможешь купить косточек.

Тяпка чуть повеселел.

— Предлагаю пойти к Лотте и попросить все устроить насчет этой самой корзинки, — сказал Налле Лапсон.

Поняв, в чем дело, Лотта отправилась в бабушкин чулан. И сразу нашла корзинку подходящего размера. — У меня есть отличная мысль, — сказала Лотта. — Мы сделаем в корзинке четыре дырки — по одной для каждой Тяпкиной лапы. Когда корзинка идет своим ходом, ее нести гораздо легче.

Да, Лотта неплохо соображала, что и говорить! Она прорезала четыре дырки в дне корзины, Тяпка всунул в них лапы, а Налле Лапсон взялся за ручку корзины и не почувствовал ни малейшей тяжести.

— Отлично придумано! — сказал он.

Тяпка тоже остался доволен.

— Такое чувство, что мне сшили костюм, — сообщил он Налле Лапсону.

— А вот что хорошо иметь с собой в путешествии, так это визитные карточки, — сказал Налле Лапсон. — А ты что скажешь, Тяпка?

— Даже не знаю, — сказал Тяпка. — Я даже не знаю, кстати, что это за такие карточки.

— Визитные карточки — это такие маленькие кусочки картона, на которых напечатано твое имя. Когда путешествуешь и встречаешься с незнакомыми людьми, то принято давать визитную карточку.

Друзья отправились в типографию.

— Хотелось бы сделать визитные карточки, — сказал Налле Лапсон. — Фамилия моя будет Лапсон. Через одно «л».

— А имя указать не хотите? — предложил хозяин типографии.

— Дайте подумать, — сказал Налле Лапсон. — Пожалуй, так: мы его подсократим. Напишем так:

Н. ЛАПСОН

А снизу добавим: «Прием с 6 до 7».

— Утра или вечера? — уточнил хозяин типографии.

— И то и другое, — сказал Налле Лапсон. — И ему тоже карточки нужны.

— Ему — это кому? — не понял хозяин типографии.

— Тяпке, кому же еще, — сказал Налле Лапсон. — Но у тебя же вроде нет фамилии, а, Тяпка?

— Как это нет? — сердито ответил Тяпка. — У меня такая же фамилия, как у хозяина и хозяйки. Штемпелиус.

— Тогда так, — сказал Налле Лапсон. — Тогда, господин типограф, на Тяпкиных карточках должно стоять:

«Т. ШТЕМПЕЛИУС»

Если удастся напечатать столько букв, конечно. В смысле, если вам их, так сказать, хватит.

— Насчет этого не беспокойтесь, — заверил хозяин типографии. — Что-нибудь еще укажем на собачкиной карточке?

— Давайте, что ли, «С Рождеством!», — сказал Налле Лапсон. — Выглядит симпатично. И звучит вежливо. Давайте так и сделаем!

Глава шестая

Моя собака едет в корзинке

И вот Налле Лапсон и Тяпка сели в поезд.

— Наконец-то, — выдохнул Тяпка. — А то в последнее время что-то шла сплошная нервотрепка.

— Ты и сам в последнее время что-то многовато суетился без надобности, — напомнил Налле Лапсон.

— Хорошо я про хозяйский тапок в последний момент вспомнил, — сказал Тяпка.

— Ума не приложу, зачем понадобилось тащить с собой эту старую тапку, — проворчал Налле Лапсон.

— Хотел бы заметить, — сказал Тяпка, — что данная тапка имеет исключительную ценность. К тому же это элементарная справедливость — я тоже имею право взять собой вещи в дорогу. Ты вон сколько барахла набрал — и платки, и свитера, и подушки, и еще массу всякой всячины. — Мало ли — вдруг кто-нибудь простудится?

На станции друзьям устроили торжественные проводы. Трубач сыграл на трубе, а потом предложил поприветствовать Налле Лапсона и Тяпку четырехкратным «ура!».

— Ура! Ура! Ура! Ура! — крикнули хором бабушка, Лотта, почтмейстерша и еще кое-кто из зевак. Почтмейстер прийти не смог — он сидел у себя на почте и облизывал марки.

— Берегите себя! — крикнула Лотта, едва поезд тронулся с места. — И не чавкай за едой, Налле Лапсон!

Последнее напутствие, на взгляд Налле Лапсона, было излишним.

Поезд, грохоча, набирал скорость.

— Ты ведь не боишься? — спросил Налле Лапсон Тяпку.

— Боюсь? — ответил тот. — Чего мне бояться?

— Ну, я в том смысле, что ты первый раз на поезде, и так далее, и тому подобное.

Тут как раз вошел кондуктор.

— Я еду в корзинке, — сообщил ему Тяпка, — так что билета у меня нет. А в корзинке четыре дырки. Для ног.

Налле Лапсон ущипнул Тяпку, шепнув:
— Ты бы помалкивал насчет корзинки!
— Ай! — крикнул Тяпка. — Чего ты щиплешься? И почему я не могу поговорить про корзинку?

Тут надо сказать, что кондуктор не понял, о чем говорит Тяпка, — кондукторы вообще по-собачьи не понимают. А у Налле Лапсона была такая удивительная особенность, что его понимали и люди, и животные.

— Что это твоя собака так разлаялась? — спросил кондуктор Налле Лапсона.

— Я бы попросил господина кондуктора иметь к ней снисхождение, — ответил Налле Лапсон. — Непривычка к поездкам и так далее, и тому подобное. Вот, кстати, мой билет. Медвежий. А моя собака едет в корзинке, так что это бесплатно, правильно?

Кондуктор что-то пробурчал и удалился.

Тяпка фыркнул.

— Что это ты фыркаешь? — спросил Налле Лапсон.

— Потому что я здорово обозлился, — ответил Тяпка.

И снова фыркнул.

— Надеюсь, ты так обозлился не на меня? — спросил Налле Лапсон. — Мы же с тобой друзья!

— Бывшие, — сказал Тяпка.

И фыркнул в третий раз.

— Зафыркаешь тут, — продолжал Тяпка. — Когда так злишься. А злюсь я на тебя — за то, что ты сказал «моя собака». Причем про меня. А я, между прочим, не твоя собака. А твой друг. Бывший, я бы сказал. Когда-то давно.

— А нельзя нам снова подружиться? — спросил Налле Лапсон.

— Исключено, — ответил Тяпка.

— А если ты скажешь про меня «мой медведь» — тогда мы сможем опять стать друзьями? — предложил Налле Лапсон.

Тяпка призадумался.

— Это надо обмозговать, — ответил он.

Глава седьмая

Вот наши визитки

Что Вестерчёпинг — большой город, ясно было с первого взгляда: на перроне там дежурило целых двое полицейских. Да и вокзал был гораздо больше, чем в Лильбакке, а возле него стояло целых три такси! Шикарно, что и говорить!

— Для начала надо снять номер в гостинице, — сказал Налле Лапсон.

Они с Тяпкой переходили Вокзальную улицу. В левой лапе Налле Лапсон держал саквояж, а в правой — корзинку с Тяпкой, но корзинка шла сама, так что нести ее было легко. А вот саквояж был тяжелый, и Налле Лапсону то и дело приходилось останавливаться и отирать пот со лба.

— Похоже на гостиницу, — сказал Тяпка. — Можешь прочитать, что там написано?

Налле Лапсон сощурился.

— «К-о», — прочитал он по складам. — А дальше «п». Нет, «л». «И-з-е-й». Там написано не то «Колесо», не то «Колодец».

Я не в состоянии ничего прочесть в такую жару.

— Видимо, это название гостиницы, — сказал Тяпка. — Пошли туда! Только, чур, договариваться буду я.

Они вошли в большой вестибюль. Внутри в маленькой кабинке сидела дама.

— Здравствуйте, — сказал Тяпка. — Мы бы хотели тут поселиться, я и мой медведь.

— О чем это он лает? — спросила дама в кабинке.

— Извини, — сказал Налле Лапсон, — но мне, видимо, договориться будет проще. — И обратился к даме: — Мы бы хотели снять, так сказать, номер на пару ночей. Вот наши визитки. — Налле Лапсон протянул ей две карточки.

На одной стояло:

Н. ЛАПСОН

Прием с 6 до 7 утра и вечера

А на другой —

Т. ШТЕМПЕЛИУС

С Рождеством!

— Это чтобы администрация гостиницы убедилась, что мы приличная публика, — сказал он. — Хотелось бы также знать, почем стоит номер с умывальником и баночкой меда?

Дама в кабинке рассмеялась:

— Боюсь, вы пришли немного не по адресу. Тут ведь у нас не гостиница. Это кинотеатр. Называется «Колизей». Может, продать вам пару билетиков?

— Спасибо, пожалуй, не стоит, — ответил Налле Лапсон. — По крайней мере, не сейчас.

Он ужасно смутился.

— Видите ли, мы не местные, — объяснил он даме. — Поэтому слегка ошиблись. Надемся, фрекен не держит на нас зла.

— Нет, что вы! — ответила дама из своей кабинки. — С чего бы мне держать на вас зло? А если вы не знаете, где остановиться, я бы посоветовала вам обратиться к сестрам Юхансон. Они сдают комнаты путешественникам и живут на этой же улице, в доме четырнадцать. Совсем не далеко отсюда.

— Мы с моим товарищем хотели бы выразить вам нашу бесконечную благодарность за вашу огромную любезность, — сказал Налле Лапсон. — В таком случае не могли бы мы получить назад наши визитки? Приходится, понимаете ли, экономить.

Дама в кабинке снова рассмеялась и протянула ему обе карточки.

— И еще один момент, — сказал Налле Лапсон.

— Да? — откликнулась дама в кабине.

— Фрекен сказала — номер четырнадцать? Что сестры Юхансон живут там?

— Все так, — подтвердила дама.

— Тогда у меня еще маленький вопросик, — сказал Налле Лапсон. — Совершенно вылетело из головы это самое четырнадцать. Что там идет после двойки — тройка или семерка?

Глава восьмая

Глянь-ка, София, это медведь!

Дама из кинотеатра оказалась исключительно любезна. Она нарисовала единицу и четверку на листке бумаги и протянула его Налле Лапсону.

— Это четырнадцать. Те же самые цифры будут на воротах у сестер Юхансон.

— Позвольте вас от души поблагодарить, — сказал Налле Лапсон и поклонился. — Видите ли, я больше по части букв. Цифры меня как-то никогда особенно не интересовали. И без них хлопот невпроворот!

— Пошли, что ли, — сказал Тяпка и потянул за собой Налле Лапсона. — Хватит чепуху молоть!

Найти «Комнаты для проезжающих» сестер Юхансон не составило труда.

Сестер Юхансон было две, и звали их Виктория и София. Обе были кругленькие, обе веселые. Но самое забавное — они разговаривали стихами. Стоило

Виктории что-нибудь сказать, как София отвечала ей в рифму.

Едва Налле Лапсон и Тяпка вошли в прихожую, как Виктория Юхансон произнесла:

— Глянь-ка, София, это медведь!

София глянула и продолжила:

— А песик в корзинке идет — очуметь!

— Совершенно верно, — сказал Налле Лапсон. — Позвольте спросить, не с сестрами ли Юхансон имею честь беседовать?

Виктория кивнула и сказала:

— Да, я — Виктория. А это София.

И София снова ответила в рифму:

— А вы тут, как я понимаю, впервые.

— И это тоже верно, — сказал Налле Лапсон. — Дело обстоит таким образом, что мы бы хотели тут у вас комнатку снять.

— В которой мед и косточки, водичка и кровать, — сказал Тяпка. Ему тоже понравилось говорить в рифму.

Комнатка оказалась очень уютной. Меда и косточек там, разумеется, не было, зато имелись целых две кровати и вода в умывальном кувшине. И букет цветов.

— Ну правда же здорово? — сказал Налле Лапсон.

— Что именно? — не понял Тяпка.

— Путешествовать! — сказал Налле Лапсон. — Это же здорово! Новые места! Приключения!

— Ну, с приключениями пока как-то не то чтобы очень, — заметил Тяпка.

— Мы же только начали путешествие, — сказал Налле Лапсон. — Уверен, мы еще попадем во множество приключений!

— Приключение, в которое мне бы хотелось сейчас попасть, называется есторан. Очень есть охота!

— Вообще-то он называется «ресторан», — сказал Налле Лапсон, — а в остальном ты дело говоришь.

После недолгих поисков друзья отыскали ресторан. Он был большой и очень шикарный.

— Теперь главное — не робеть, — шепнул Налле Лапсон Тяпке и протянул визитку строгому официанту в черном фраке.

Им предложили столик в углу.

— О, неплохой столик, — похвалил Налле Лапсон. — Так что я бы попросил меда.

— Мы подаем мед только к нашим блюдам, — надменно заявил официант.

— Странно, — заметил Налле Лапсон. — Ну ничего, мой товарищ как раз хотел

бы заказать ваше блюдо. Мясную косточку.

— Косточки мы не готовим, — отрезал официант.

— Тогда приготовьте отбивную на косточке, — сказал Налле Лапсон.

— Господин желает съесть отбивную? — спросил официант.

— Нет, я же говорю, что это для моего товарища, — ответил Налле Лапсон.

— Так не пойдет, — сказал официант. —

В таком случае господа не должны сидеть за одним столиком. Либо господа должны будут заказать каждый по отбивной.

— Все это крайне удивительно, — сказал Налле Лапсон. — Ну, принесите две отбивные, если без этого нельзя. И большую банку меда.

Официант взглянул на часы.

— Еще нет трех, — сказал он. — До трех мы подаем только маленькие баночки.

— Вы что тут все — сумасшедшие? — спросил Налле Лапсон.

Официант пожал плечами.

— Пошли отсюда, Тяпка, — сказал Налле Лапсон. — Поищем себе еду в другом месте.

— Кажется, приключения начались, — заметил Тяпка.

Глава девятая

Мне бы меду

— Вот так-то оно, в широком мире, — мрачно произнес Тяпка. — Нет бы остаться где-нибудь под Лильбаккой! Небось грызли бы теперь косточку у кого-нибудь на ферме!

— Небольшие неприятности бывают полезны, — заметил Налле Лапсон.

— Но косточки, по-моему, полезнее, — ответил Тяпка.

— Для тебя у сестер Юхансон наверняка найдется косточка. А лично я зайду вон в тот магазин и куплю хорошую банку меда.

Это был большой и красивый бакалейный магазин.

— Добрый день, — поздоровался Налле Лапсон. — Мне бы меду. Банку. Большую.

Продавец за прилавком сочувственно посмотрел на Налле Лапсона.

— Меду? — сказал он. — Думаете, его можно просто взять и купить?

Нет, за ним надо отправляться на

государственные медовые склады.
Причем на моторном транспортном
средстве, и брать не меньше пяти банок.
— Это очень странно, — сказал Налле
Лапсон. — У нас в Лильбакке мед прода-
ется где угодно.

— Вполне возможно, — сказал прода-
вец. — Но мы с вами в Вестерчёпинге.
— Вот видишь, — сказал Тяпка. — Зря мы
сюда приехали.

Налле Лапсон сглотнул.

— До свидания, — сказал он продавцу.
— Ну как, — не мог понять Налле
Лапсон, — люди ухитряются выдумать
столько всяких глупостей?

— Уму непостижимо, — согласился Тяп-
ка. — Миром должны править собаки.
Ты ведь знаешь, лучшее, что есть у че-
ловека, — это его собака?

К сестрам Юхансон оба они верну-
лись расстроенные.

Тут Виктория сказала:

— Вижу, вы оба повесили нос!

А София закончила:

— Денежки кончились? Что-то стряс-
лось?

— Нет, деньги у нас как раз есть, — возразил Налле Лапсон. — И мы их с удовольствием заплатим, если получим меда.

— И косточек, — добавил Тяпка.

— И косточек, — согласился Налле Лапсон.

Тогда Виктория пообещала:

— Сейчас похлопочем о вашем обеде!

А София добавила:

— Накормим собаку! Накормим медведя!

И правда, за этим дело не стало. Сестры Юхансон принесли и меду, и косточек. Налле Лапсон с Тяпкой накинулись на еду так, словно отродясь ее не видели.

А после обеда улеглись спать в своей уютной комнатке, каждый в своей уютной постельке.

— Должен тебе сказать, я очень ценю возможность прилечь на кровать, — заметил Тяпка.

Когда они проснулись, уже смеркалось.

— Глупо это все-таки, — сказал Налле Лапсон. — Лежать и дрыхнуть вместо того, чтобы искать приключения. Вставай, Тяпка, пошли!

Тяпка зевнул.

— А по-моему, нам и тут прекрасно, — сказал он.

— Мы отправились путешествовать не для того, чтобы валяться в постели, — заявил Налле Лапсон. — Давай-ка вставай! Мы отправимся в город! Развлекаться!

Тяпка потянулся. Потом еще раз зевнул, да так, что челюсти хрустнули.

— Поспим вечером, когда вернемся, — сказал ему Налле Лапсон. — Мы же в широком мире. Пошли, Лентяпка!

— Кто Лентяпкой обзывается, сам Лентяпсон называется, — огрызнулся Тяпка.

Они уже вышли на улицу. Народу там было полным-полно, и чуть ли не все шли в одну и ту же сторону.

— Пошли с ними, — сказал Налле Лапсон. — Поглядим, куда придем.

— Опять у тебя идеи, — вздохнул Тяпка.

Глава десятая

Почему музыка такая противная?

Оказалось, люди направляются в большой парк прямо за городской чертой.

Каждый входил в ворота и платил монетку. Над воротами ярко горели буквы. — Что там написано? — спросил Тяпка.

Налле Лапсону поначалу показалось, что это ПАРА ПЕЧЕНИЙ.

— Звучит заманчиво, — сказал Тяпка. — Пошли!

— Погоди-ка, — сказал Налле Лапсон. — Я второпях неточно прочитал. Теперь я вижу, что это ПАРК РАЗЛИЧЕНИЙ.

— А что в нем различают? — спросил Тяпка.

— Не знаю. Может, буквы, — предположил Налле Лапсон. — Давай спросим у вон того дяденьки. Он с виду вроде добрый.

Но при появлении Налле Лапсона вид у дяденьки стал слегка испуганный.

— Прошу прощения за беспокойство, — сказал Налле Лапсон, — но нельзя ли узнать, что это за учреждение?

— Это? — переспросил дяденька. — Это парк развлечений.

— Позвольте вас поблагодарить за исчерпывающую информацию, — сказал Налле Лапсон.

Теперь он увидел, что надпись над воротами на самом деле гласит «Парк развлечений».

— Тогда есть смысл туда сходить, — сказал Налле Лапсон. — Почему билет? И нет ли скидок для медведей и военнослужащих?

Налле Лапсону пришлось выложить крону, зато Тяпка проскользнул бесплатно.

— У четвероногости есть свои плюсы, — заметил он. — Не так бросаешься в глаза.

Развлечений в парке оказалось великое множество. Если ты замерз, то мог купить горячую сосиску, а если запарился, то мороженого. Можно было кидать кольца, стрелять из духового ружья, играть в мгновенную лотерею и танцевать на просторной танцплощадке — разумеется, если умеешь.

Налле Лапсон и Тяпка стояли и смотрели на танцующих.

— По-моему, ничего трудного, — решил наконец Налле Лапсон. — Шаркаешь туда-сюда лапами, и все. Главное — сделать серьезную морду и при этом не захохотать.

— А почему музыка такая противная?

— Потому что так положено, — объяснил Налле Лапсон. — Некультурный ты, Тяпка, но не обязательно это всем показывать. Пойду-ка я приглашу вон ту барышню на танец.

Налле Лапсон поклонился светловолосой девушке в синем платье.

— Прошу простить за беспокойство, — сказал он и протянул визитку. —

Но мне кажется, мы с фрекен могли бы сплясать полечку. Если это возможно.

Это оказалось решительно невозможно, поскольку девушка отчаянно завизжала и бросилась бежать.

— Не похож ты на светского медведя, — тихонько заметил Тяпка.

Но тут на танцплощадке появились Виктория и София Юхансон.

Викторию тут же пригласил какой-то солдат, а София стояла одна и только смотрела на них.

— Прошу простить за беспокойство, — сказал Налле Лапсон, поклонившись Софии. — Не разрешите ли скромному постояльцу пригласить вас на танец?

София Юхансон благосклонно кивнула и вышла вместе с Налле Лапсоном на танцпол.

— Как раз этот танец я что-то не вполне освоил, — признался партнерше Налле Лапсон. — Но тут, как я понимаю, главное — не останавливаться.

Поначалу все шло отлично, но вдруг музыка заиграла отчаянно быстро. Налле Лапсон подскочил — и плюхнулся на спину. Хуже того — София тоже шлепнулась на пол. Публика столпилась вокруг них и стала смеяться.

А Виктория крикнула:

— София, ну как же случилось такое?

На что София ответила:

— Такой у нас танец! Оставь нас в покое!

Глава одиннадцатая
Где живут медведи — в хлеву,
в берлоге или в скворечнике?

Но тут прозвенел звонок, музыка умолкла, и народ стал покидать танцплощадку. Все устремились в большой зеленый театр, где ожидалось представление.

— Простите за беспокойство, — обратился Налле Лапсон к симпатичному на вид господину. — Не скажете, что сегодня показывают за пьесу? «Красную Шапочку» или «Гамлета»? В смысле, смеяться надо будет или плакать? Такие вещи все-таки лучше знать заранее. — Никаких пьес сегодня не идет, — ответил незнакомый господин. — Сегодня у нас викторина. Участвуют все желающие.

Это звучало очень красиво, так что Налле Лапсон и Тяпка протиснулись в первый ряд.

Тут на сцену вышел дядька в очках. — Здравствуйте-здоровствуйте, — сказал он. — Здравствуйте! — крикнул Налле Лапсон.

— Итак, начинаем нашу викторину, — объявил дядька. — С денежными призами.

— Bravo! — крикнул Налле Лапсон.

— Кто желает выйти на сцену? — спросил очкастый дядька.

— По-моему, это глупости, — шепнул Тяпка Налле Лапсону.

Виктория Юхансон сказала:

— Думаешь, будет вопрос по истории?

София Юхансон ответила:

— Боюсь, он окажется не для Виктории!

— Ну-ка, ну-ка, — сказал дядька на сцене. — Ну? Есть желающие? Не стесняемся! Смотрим сюда! — И он помахал бумажкой в десять крон. — Неужели никто не хочет заработать эту десятичку?

Налле Лапсон очень оживился. Через две секунды он уже стоял на сцене.

— Благодарю вас, — сказал очкастый. — Вы к тому же, насколько я могу судить, являетесь медведем?

— Так точно, — ответил Налле Лапсон. — Не угодно ли взять мою визитку?

Публика засмеялась.

— Ну, о чем бы мне таком вас спросить? — сказал дядька.

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил Налле Лапсон.

Публика ответила смехом и криками.
— А спросим-ка мы что-нибудь насчет медведей. Где живут медведи — в хлеву, в берлоге или в скворечнике?
— Лично я живу у сестер Юхансон, — ответил Налле Лапсон.

Публика взывала от смеха. Особенно довольными выглядели сестры Юхансон.
— А можно теперь я сам спрошу господина ведущего? — спросил Налле Лапсон.

— Даже не знаю, что вам на это сказать, — сказал дядька и скривился.

— Пусть! — закричали из публики. — Пускай спрашивает! Пусть спросит!

— Тогда послушайте меня, господин ведущий, — сказал Налле Лапсон, — а я задам вам вопрос. Вон в первом ряду сидит пес. Сможет ли господин ведущий определить, это пудель, фокстерьер или мопс?

Ведущий почесал макушку.
— Да ну вас! — сказал он. — Он ни то, ни другое и ни третье.

— А вот и нет, — ответил Налле Лапсон. — Он и то, и другое, и третье: пудель, фокстерьер и мопс в одной, так сказать, морде. Нельзя ли получить десяточку?

Публика ликовала, когда очкастый дядька протянул десять крон Налле Лапсону.

Но Тяпка был в ярости.

— Я бы попросил избавить меня в дальнейшем от подобных дурацких шуточек, — сказал он, когда Налле Лапсон сошел со сцены и уселся с ним рядом.

— Да я ничего такого не имел в виду, — ответил Налле Лапсон. — Кстати, я считаю, что это очень красиво, когда в тебе столько разных собак сразу. А на эту десятку я как раз собрался купить тебе косточку.

— Ну тогда ладно, — сказал Тяпка. — Тогда можешь пойти туда снова и объявить, что я, ко всему прочему, еще овчарка, борзая и бульдог!

Глава двенадцатая

Просто нужно иметь смекалку

— Это было просто выдающееся выступление! — сказал Налле Лапсону незнакомый господин, когда викторина закончилась. — Вы его прямо обвели вокруг пальца. Отличная работа, господин... мм.

— Лапсон моя фамилия, — сказал Налле Лапсон. — Н. Лапсон. — И он протянул незнакомцу свою визитку.

— Должен признаться, господин Лапсон был неподражаем, — продолжал незнакомый господин.

— Да ну, — сказал Налле Лапсон. — Просто нужно иметь смекалку.

— Я сидел прямо за вами, — сказал господин, — и нечаянно услышал, что вас интересуют косточки.

— Вообще-то они скорее интересуют моего товарища, — сказал Налле Лапсон. — Прошу вас, вот его визитка. На здоровье. Ну так вот, это скорее по его части. Сам я предпочитаю мед.

- Отлично! — обрадовался незнакомый господин. — Дело в том, что у меня неплохие связи по части как меда, так и косточек. Я вам их достану за полцены.
- Звучит неплохо, — заметил Налле Лапсон.
- В таком случае я бы предложил вам, — сказал незнакомый господин, — передать мне эту десятку, которую вы только что выиграли. А я сбегаю за товаром и через десять минут доставлю вам большой пакет.
- А может, мы сходим с вами вместе? — спросил Налле Лапсон. — В смысле, чтобы вам пакет самому не тащить, и так далее, и тому подобное.
- Нет-нет-нет, — ответил незнакомый господин и усмехнулся. — Видите ли, это немножечко секретное дело. Ну, сами понимаете... Я оказываю вам дружескую услугу в благодарность за великолепное выступление, так что, в общем...
- Ну, в общем, я почти понял, — сказал Налле Лапсон. — Вот вам десятка, которую я выиграл. И еще одна. Потому

что есть смысл, так сказать, закупиться на обе сразу, если все так дешево.

— Отлично, отлично, — сказал незнакомец и цапнул обе купюры. — Все, побежал, постараюсь обернуться побыстрее, встречаемся здесь же через десять минут. Ждите меня с пакетом.

И он скрылся.

— Бывает же удача, — сказал Налле Лапсон Тяпке. — Какой симпатичный господин! Теперь мы сэкономим кучу денег и запасем еду на много дней!

- А мне он что-то не понравился, — ответил Тяпка. — Глаза у него злые.
- Не стоит судить по внешности, — сказал Налле Лапсон. — Когда человек настолько любезен, то глаза у него могут быть какие угодно.
- А почему он не захотел, чтобы мы пошли с ним и помогли нести покупки? — спросил Тяпка.
- До чего ты бываешь непонятливый, — сказал Налле Лапсон. — Можно догадаться, что если покупаешь что-то за полцены, то тут есть свои секреты.
- Тяпка в ответ только буркнул что-то себе под нос.
- Прошло десять минут. И даже целых пятнадцать.
- Может, у него часы остановились, — предположил Тяпка.
- Или пакет слишком тяжелый, — сказал Налле Лапсон, — поэтому его тащить дольше. Но нам спешить особо некуда, насколько я понимаю.
- Прошло уже полчаса.
- Налле Лапсон и Тяпка стояли и ждали.

— Весело, ничего не скажешь, — заметил Тяпка.

Когда пробило одиннадцать, пришел сторож.

— Мы закрываемся, — сказал он. — Ступайте домой.

Налле Лапсон сглотнул.

— Но мы ждем... — начал он.

— Тут ждать не положено, — сказал сторож. — Спасибо за посещение и спокойной ночи.

С тяжелым сердцем друзья отправились домой к сестрам Юхансон.

— Да уж, — сказал Тяпка, — хорошо иметь смекалку. Что да, то да.

Глава тринадцатая

Я, кажется, съел одну сосиску на улице

Наступило утро.

Когда Тяпка проснулся, Налле Лапсон уже сидел за столом и что-то писал.

— Который час? — спросил Тяпка. —

Надеюсь, я не проспал?

— Еще только семь, — сказал Налле Лапсон, — так что ничего страшного. Но мне надо навести порядок в нашей коммерции.

— Так вот чем ты с утра занимаешься, — заметил Тяпка.

— Так точно, — сказал Налле Лапсон. — Я завел приходно-расходную книгу.

Умей Тяпка читать, он бы прочитал вот что:

ПРЕХОДНО-РОСХОДНАЯ КНИГА НАЛЛЕ ЛАПСОНА

ДАХОДЫ

**СВИНЯ-КАПИЛКА 39 КРОН ДВИНАТЦАТЬ ЭРЕ
ЗАРАБОТОНО В ПАРКЕ РАЗЛИЧЕНИЙ 10 КРОН**

РОСХОДЫ

БИЛЕТ НА ПОИСТ 8

ВИЗИТКИ ЗАБЫЛ

ВХОД В ПАРК РАЗЛИЧИЙ ОДНА КРОНА

ЗА ТАНЦЫ С СОФИЕЙ ЮХАНСОН ДВАТ-

ЦАТЬ ПЯТЬ ЭРЕ

ОБМАНЬЩИКУ ДВАТЦАТЬ КРОН

Налле Лапсону в жизни не доводилось столько писать за один присест. Он и сам удивился, как хорошо у него получилось. Осталось самое трудное — сосчитать. Сложить и вычесть.

Налле Лапсон писал цифру за цифрой, зачеркивал, писал новые. Наконец тяжело вздохнул.

— Ну, как там у нас с коммерцией? — поинтересовался из постели Тяпка. — Что-нибудь сходится?

— Пока что расчеты не закончены, — ответил Налле Лапсон. — Ты спи давай, а я поработаю.

До чего же трудное это дело — считать!

— Ума не приложу, почему с этими цифрами столько мороки, — сказал

сам себе Налле Лапсон. — Буквы почему-то не надо отнимать одну от другой и перемноживать друг на друга. Нет бы и цифрам стать как-то проще и естественней?

Пожалуй, без помощи сестер Юхансон не обойтись!

И Налле Лапсон вышел из комнаты. В передней он встретил Софию.

— Доброе утро, — поздоровался Налле Лапсон. — Позвольте вас поблагодарить за вчерашний вечер. Мы с вами хорошо потанцевали. Оно вполне стоило тех двадцати пяти эре.

— И тебе спасибо, — сказала София. — Мне тоже понравилось.

— А что, сестрицы Виктории дома нет? — осведомился Налле Лапсон. — Кто же тогда будет рифмовать?

— Виктория пошла на рынок, — объяснила София. — Нам с ней иногда приходится расставаться. Чтобы рифмы не кончились.

— А я тут кое-что подумал, — сказал Налле Лапсон. — Вдруг кто-нибудь немножко выручит меня со счетом? А то очень

хотелось бы знать, сколько получится, если все это сложить и вычесть.

И Налле Лапсон протянул Софии свои записи.

София стала считать.

— Должно остаться девятнадцать крон семьдесят семь эре, — сказала она. — Но это не считая визиток.

— Еще я, кажется, съел одну сосиску на улице, — вспомнил Налле Лапсон. — Или две.

— Трудно считать, когда не знаешь всех расходов, — покачала головой София.

— По-моему, записывать каждую трату — это мелочность, — сказал Налле Лапсон. — Скажем, про мороженое, которое мы с Тяпкой съели на вокзале, вообще говорить не стоит.

— А что за обманщик? — спросила София.

И Налле Лапсон рассказал ей всю историю.

— Какой кошмар! В жизни не слышала ничего ужаснее, — вздохнула София. — Так сколько денег у вас осталось?

— Вот посчитайте! — сказал Налле Лапсон и кинул на стол свой кошелек.

В нем оказалось всего восемь крон и еще несколько эре.

— Но этого хватит только на обратный билет! — сказала София.

— Нет уж, обратно мы пока не собираемся! — заявил Налле Лапсон. — Мы еще заработаем тут денег, сестрица София, вот увидите! И честно расплатимся и за комнату, и за еду.

Глава четырнадцатая
Породистые — это значит
из приличной семьи

Налле Лапсон и Тяпка бодро трусили по залитым солнцем улицам Вестерчёпинга.

— Ты вроде служил когда-то в полиции, — напомнил Тяпка Налле Лапсону. — Может, поработаешь полицейским и в этом Вестерчёпинге?

— Нет уж, — возразил Налле Лапсон. — Работать полицейским в таком большом городе — это не шутка.

— Должен тебе кое-что сказать, — сказал Тяпка.

— Сказать, что что? — переспросил Налле Лапсон.

— Что я хочу домой, в Лильбакку. Там как-то спокойнее. Сидеть бы теперь в почтмейстерском доме, а не слоняться по улицам.

— Но ты же знаешь, что нам надо заработать денег, — сказал Налле Лапсон. — Если сидеть дома сложа передние лапы, много не заработаешь.

— Я и задние сложить могу, если что, — сообщил Тяпка.

— Гляди, что там за афиша? — сказал Налле Лапсон. — Что-то про собак. Погоди-ка, я прочту как следует. ВЫСТАВ-КА СО-БАК. А дальше... погоди-ка. «Первый приз: серебряный ку-бик»... нет, «ку-бок». Что это?

— Что-то из серебра, — предположил Тяпка.

— Его можно продать и получить много денег, — воодушевился Налле Лапсон. — Если ты, конечно, получишь первый приз. — Ты имеешь в виду, что я должен участвовать в собачьей выставке? — сказал Тяпка. — Да ни в жизнь!

Тут они как раз повстречали красивую овчарку. Она важно помахивала хвостом.

— Давай-ка с ней об этом потолкуем, — шепнул Налле Лапсон Тяпке. А в полный голос обратился к овчарке так: — Прошу прощения за беспокойство, но известно ли фру... фру собаке об этой выставке? — Безусловно, — ответила овчарка. — И первый приз возьму я.

— Видите ли, — продолжал Налле Лапсон. — Мы-то подумали... Мой товарищ тоже собрался пойти выставиться. Если можно так выразиться.

- На выставку допускаются только породистые собаки, — ответила овчарка с невероятно надменным видом.
- Породистые? — переспросил Налле Лапсон. — А что это значит?
- Породистые — это значит из приличной семьи, — ответила овчарка.
- Я из семьи Штемпелиус, — смущенно сказал Тяпка. — Мой хозяин — почтмейстер. А хозяйка — почтмейстерша. Очень и очень приличные люди, так что вот.
- Хозяин с хозяйкой тут ни при чем, — отрезала овчарка. — Речь о твоей собственной родословной. У тебя же ее нет, это сразу видно. А меня зовут Леди Лаванда из Экебюхольма, и у меня шестьдесят два предка.
- А предки — это кто? — спросил Налле Лапсон.
- Вы оба — умственно отсталые, — заметила овчарка. — Предки — это отец с матерью, их родители и так далее, и тому подобное.
- Отец с матерью есть у каждого, — спокойно ответил Тяпка. — А также бабушки

с дедушками и так далее. Лично меня зовут Тяпка, а предков у меня десять тысяч триста шестьдесят четыре.

— Я не намерена с тобой дискутировать, — высокомерно ответила овчарка. — Речь о собаках из приличной семьи.

И овчарка удалилась, подрагивая хвостом.

— До чего же противная, — сказал Тяпка.

— Не расстраивайся, — сказал Налле Лапсон. — Главное, чтобы самому быть добрым и воспитанным, а не чтобы прадедушку твоей прабабушки как-то звали в каком-то Экебюхольме.

— Но на эту выставку я все-таки, пожалуй, не пойду, — сказал Тяпка.

Глава пятнадцатая

В Гаване кто-нибудь сходит?

Вестерчёпинг лежал на берегу довольно большого озера, и в городе имелся порт, куда приходили и откуда уходили разные суда.

Налле Лапсон и Тяпка отправились в порт.

Оттуда как раз собирался отчалить белый паровой катер. Но его капитан все стоял на набережной и громко жаловался прохожим.

— Это какой-то кошмар! — причитал он. — Мой швартовый мальчишка удрал! Где я сейчас найду другого? Судно через пять минут отправляется!

— Прошу прощения, — сказал Налле Лапсон. — А швартовый мишка вас не устроит?

— Думаешь, справишься? — спросил капитан.

— Смотря по обстоятельствам, — ответил Налле Лапсон. — А что, собственно, нужно делать?

— Спрыгнуть на берег, когда катер подходит к причалу или набережной, и привязать швартовы. Вот, собственно, и все, — сказал капитан.

— Пожалуй, пойдет, — сказал Налле Лапсон. — А какое положите жалованье?

— Пять крон в день, — сказал капитан. — Плюс питание.

— Согласен, — сказал Налле Лапсон. — Если только мне будет позволено взять на борт эту собаку. В качестве корабельного пса.

— А мне какое положите жалованье? — спросил Тяпка.

— Тихо, — одернул Налле Лапсон. — Получишь половину моего.

Капитан тотчас нахлобучил на Налле Лапсона бескозырку. Тот страшно загордился.

— Эй, на шхуне! — крикнул капитан. — Все пассажиры на местах? Курс — океан, правый борт, левый борт и все остальное — вперед!

Катер стал отдаляться от берега.

Налле Лапсон расхаживал между пассажирами и говорил направо и налево:

— Морской болезнью не страдаем? Ну нет, сегодня не особенно штормит. То ли дело в прошлом году! Десятого августа! Вот это, я вам доложу, был штормяга! Эй, дамочка, осторожнее там по правому борту! В Гаване кто-нибудь сходит? Все пассатижиры, кто сходит на берег, встаем в очередь вдоль левого галса!

— Хватит болтать ерунду, — сказал капитан Налле Лапсону. — Смотри не прозевай причал! Мы уже подходим! Ну, прыгай давай! — крикнул наконец капитан. — Отдать швартовы!

Налле Лапсон призадумался, прежде чем прыгать, а потом еще раз.

— Ты едва успел, — сказал капитан.

— Так успел ведь, — сказал Налле Лапсон.

— Крепи конец! — крикнул капитан.

— В смысле веревку? — уточнил Налле Лапсон.

— Это не веревка, а канат, — рявкнул капитан, совершенно побагровев лицом.

— Мне веревку узлом завязать или как? — спросил Налле Лапсон.

Катер со всей силы врезался бортом в причал, на котором стоял Налле Лапсон и почесывал бескозырку.

— Бестолочь! — гаркнул капитан.

— Эй, на шхуне! — гаркнул Налле Лапсон.

Но скоро Налле Лапсон научился швартоваться — на последних причалах у него стало отлично получаться. Правда, катер уже возвращался обратно в Вестерчёпинг.

— Есть все-таки что-то в морском деле, — заявил Налле Лапсон Тяпке. — Здоровое и свежее.

— А я вот интересуюсь насчет питания, про которое говорил капитан, — сказал Тяпка. — Я сто лет таким голодным себя не помню!

В глубине бухты уже показался Вестерчёпинг. Шпиль церковной башни так и сверкал на солнце.

«Вот сейчас я им всем покажу, как швартуется настоящий морской медведь», — подумал Налле Лапсон. На набережной столпился народ, все смотрели на катер и махали руками.

Налле Лапсон прыгнул за борт.

Но, к сожалению, чуть раньше, чем нужно.

«Бульк!» — слышалось за бортом.

* * *

— Есть все-таки что-то в морском деле, — напомнил Тяпка Налле Лапсону после того, как медведя вытащили корабельным багром. — Здоровое и свежее. — И мокрое, — вздохнул Налле Лапсон.

Глава шестнадцатая

Мы верим в Шипучку

— Надо же, как тяжело, оказывается, деньги зарабатывать! — вздохнул Налле Лапсон.

— Тебе этот капитан так и не заплатил? — спросил Тяпка.

— Ни единого эре, — сказал Налле Лапсон. — Ты что, не слышал, как он кричал: «Мне нужен швартовый мальчишка, а не забортовый! Проку с тебя никакого! Проваливай!» Вот что он сказал. И шапку-бескозырку забрал. А я-то мечтал, как в ней покажусь бабушке и Лотте!

— Что же нам теперь делать? — мрачно спросил Тяпка.

— Нам? — переспросил Налле Лапсон. — Это мне придется, как обычно, что-нибудь придумывать!

— Да уж, придумывать ты мастер! — заметил Тяпка.

— Тихо! — одернул его Налле Лапсон. — Что это там за шум и гам — слышишь?

Шум и гам доносились со стадиона, и друзья направились туда.

— Кто-нибудь может мне объяснить, с чего тут так галдят? — спросил Налле Лапсон.

— Может, — ответил Тяпка. — В спорте так полагается.

— Прошу прощения за беспокойство, — обратился Налле Лапсон к вахтеру у входа на стадион. — Не скажете, что тут, собственно, происходит?

— Вы, что ли, из деревни приехали? — усмехнулся вахтер. — Не знаете, что сейчас идет футбольный матч века между Вестерчёпингом и Эстерчёпингом?

— А кто лучше забивает? — поинтересовался Налле Лапсон.

— Мы, конечно, — сказал вахтер. — Но счет пока 2:2. Эстерчёпингцы хамят и жулят.

— Что, дяденька? — не понял Налле Лапсон.

— Хамят и жулят, — повторил вахтер. — Идут последние пять минут матча. Надеюсь, хоть на последней минуте мы им забьем. Мы верим в Шипучку.

— В какую Шипучку? — не понял Налле Лапсон.

— В Шипучку Карлсона, неужели непонятно? — раздраженно ответил вахтер. — Нет, ну вы точно из деревни!

— Мы не из деревни, мы из Лильбакки, — сказал Налле Лапсон. — А можно зайти и чуточку посмотреть?

— Давайте быстро! — сказал вахтер. — Вам и правда надо малость образоваться, деревня несчастная!

— Я тут подумал стать футболистом, — поделился Налле Лапсон с Тяпкой. — Говорят, им платят бешеные деньги.

На стадионе творилось что-то невероятное. Публика кричала, вопила и бежала туда-сюда по рядам.

— Впе-ред, впе-ред! — скандировали все хором. — Хэйя-хэйя-хэйя!

— Ши-пуч-ка! Ши-пуч-ка!

— Люди — странные существа, — заметил Тяпка. — Пошли-ка отсюда!

Но что случилось с Налле Лапсоном? Внезапно он ринулся на футбольное поле, напрямик к катящемуся мячу, изо всех сил ударил по нему задней лапой,

и тот влетел аккурат в ворота Вестерчё-
пинга!

Наступило столпотворение. Залива-
лись свистки, кто-то размахивал крас-
ными флажками. Ор, вопли, проклятия.
Крики «Позор!» и «Безобразие!». Люди
выбегали на поле, тут и там вспыхива-
ли драки.

В общей суматохе Налле Лапсон
и Тяпка сумели незаметно скрыться.

- Думаю, больше не стоит бить по мячу, — заметил Тяпка. — Так будет спокойнее.
- Но я рассчитывал играть за вестерчёрпингскую команду и зарабатывать бешеные деньги, — сказал Налле Лапсон.
- В таком случае начал ты не совсем удачно, — сказал Тяпка. — Потому что ты помог выиграть Эстерчёрпингу.
- Правда? — удивился Налле Лапсон.

Глава семнадцатая

Слово имеет Налле Лапсон!

Неподалеку от стадиона находился парк развлечений — тот самый, где Налле Лапсон получил десять крон и лишился двадцати.

— Эта самая викторина — все же неплохой способ заработать, — сказал Налле Лапсон Тяпке. — Надо бы сходить выяснить, может, там ожидается что-нибудь еще в этом роде.

Увы, ничего такого не ожидалась, как узнали они от одного дяденьки. По крайней мере — до будущего лета.

— Поехали домой, — сказал Тяпка.

— Нет уж, теперь мы просто обязаны заработать денег, — сказал Налле Лапсон. — Мы должны сестрам Юхансон за жилье и за весь мед и косточки.

— Причем с каждым днем все больше, — заметил Тяпка.

— У меня есть идея, — сказал Налле Лапсон. — Я выступлю с докладом.

— Совсем ума не стало? — спросил Тяпка.

— Ума у меня хоть отбавляй, — возразил Налле Лапсон. — Особенно сейчас. Я встану на углу и начну докладывать. А ты собирай плату.

— Ни за что, — отрезал Тяпка.

— Тогда я сам буду ее собирать, — ответил Налле Лапсон.

— Кто, по-твоему, захочет слушать твой доклад, да еще и платить? — спросил Тяпка. — Самому бы не пришлось приплачивать!

— Кто не хочет, может не слушать, — ответил Налле Лапсон.

— И на том спасибо, — сказал Тяпка. — А о чем, собственно, ты собрался докладывать?

— Да уж придумаю, — сказал Налле Лапсон. — Докладывать я могу о чем угодно. Если на мой доклад соберется человек сто народу да каждый заплатит по одному эре, это будет... это будут бешеные деньги!

На задворках одного из домов Налле Лапсон нашел ящик из-под сахара. Он притащил его на угол улицы Короля и улицы Королевы и влез на ящик.

Тяпка старался по возможности держаться в сторонке.

— Уважаемые дамы и господа! — прокричал Налле Лапсон. — Слово имеет Налле Лапсон!

Прохожие остановились и окружили его.

— Я имею честь выступить с докладом, — продолжал Налле Лапсон. — О том и об этом.

Вокруг Налле Лапсона собралось уже человек пятьдесят, и большинство улыбалось.

— Первое, о чем я расскажу, это это. А второе — это то. Не будь то этим, это было бы тем. И наоборот. Но следует иметь в виду, — продолжал Налле Лапсон, — что следует четко сознавать разницу между этим и тем. Надо отметить, что в случае, если данное это этим не является, то и данное то не является тем.

— Превосходный доклад, — сказал пожилой господин. — Если уважаемый докладчик не является профессором философии, то вполне заслуживает этой степени.

Разрешите немного возместить ваши расходы? — И он протянул Налле Лапсону целых десять крон.

Но в ту же минуту появился полицейский.

— Разойдитесь! — гаркнул он. — Что тут еще за сборище? Вы кто такой? — Последний вопрос был адресован Налле Лапсону.

— Лапсон моя фамилия, — сказал Налле Лапсон. — Господин Н. Лапсон. С кем имею честь?

— Что тут за базар? — строго спросил полицейский.

— Я просто выступил с докладом, — ответил Налле Лапсон. — Могу его повторить, если угодно.

— Это будет стоить десять крон, — сказал полицейский.

— Господину городовому я могу сделать скидку в полцены, — предложил Налле Лапсон.

— Издеваетесь? — рассердился полицейский. — Десять крон — это штраф! С вас! То-то, и будьте любезны заплатить немедленно!

* * *

Вечером Налле Лапсон вывел в своей приходно-расходной книге большими округлыми буквами:

ДАХОДЫ

Заработал докладом 10 крон

РОСХОДЫ

Забрал палецейский 10 крон

Глава восемнадцатая

Жалко, что у нас так мало денег

В Вестерчёпинге был небольшой универмаг, где продавалось почти все на свете.

Налле Лапсон и Тяпка стояли перед широкой витриной.

— А ты что бы купил себе из этой красоты? — спросил Налле Лапсон.

— Даже и не знаю, — сказал Тяпка. — Прямо глаза разбегаются. Ну, вон тот мячик, красный с желтым, вот его бы я точно взял.

— Жалко, что у нас так мало денег, — вздохнул Налле Лапсон.

— А кстати, сколько именно? — спросил Тяпка.

— Ровно пять крон, — сказал Налле Лапсон. — София с утра пересчитала.

— Нет, тогда мячика нам не видать, — сказал Тяпка и облизнул нос. — А что там написано на этой витрине?

- Налле Лапсон стал читать надпись.
- Требуется посыльный, — сообщил он спустя некоторое время. Слова были трудные, даже удивительно, что он вообще с ними справился.
- А нам это никак не пригодится? — спросил Тяпка.
- Чего? — переспросил Налле Лапсон, потому что не знал, что эти трудные слова означают.
- Ты можешь работать посыльным, — сказал Тяпка, — а я буду тебе помогать. Так мы по крайней мере заработаем на обратную дорогу.
- Отличная мысль! — воскликнул Налле Лапсон.

- Они вошли в универмаг.
- Прошу прощения за беспокойство, — обратился Налле Лапсон к женщине за прилавком, — но дело в том, что покупать мы ничего не собираемся. Но думаем стать посыльными.
- Тогда вам в контору, — сказала женщина. — По лестнице вверх направо, потом вниз налево, третья дверь налево по коридору направо.

— Позвольте выразить вам глубокую признательность за столь ценную рекомендацию, — сказал Налле Лапсон и поклонился.

Контору Налле Лапсон и Тяпка в конце концов все-таки нашли.

И договорились, что Налле Лапсона возьмут посыльным на испытательный срок, а Тяпка будет помогать ему носить товары.

— А как примерно насчет жалованья? — поинтересовался Налле Лапсон у мужчины в конторе.

— Пять крон в день, — ответил мужчина. — Плюс возможные чаевые.

* * *

Все это происходило в первой половине дня.

А во второй его половине посыльным Налле Лапсон больше не работал.

Что объяснялось целым рядом обстоятельств.

Тем, например, что пастору доставили пакет с пудрой и духами.

Строгому директору Свенсону — комплект одежды для новорожденных.

Большую коробку сигар Налле Лапсон притащил пожилой почтенной фрекен фон Страускранц — яркой противнице курения и прочего подобного безобразия.

А бургомистру он принес свой собственный замасленный пакет с бутербродами вместо заказанного свода законов.

В общем и целом — затея не удалась. Налле Лапсон и пяти крон не заработал.

Хуже того — чаевых ему тоже не досталось ни единого эре. При том что он не ленился повсюду про них напоминать!

Глава девятнадцатая

Надо написать Лотте

— Есть и другие способы заработать, — сказал Налле Лапсон.

— Очень надеюсь, — сказал Тяпка. — Иначе никто на свете ничего бы не заработал. А уж ты-то точно.

— Лучше бы тебе не болтать почему зря, — заметил Налле Лапсон. — Но я полагаю, что продавать вещи гораздо выгоднее, чем их доставлять.

— Что, решил открыть свой магазин? — предположил Тяпка.

— Не совсем, — ответил Налле Лапсон. — Я думаю ходить по домам и торговать. Бритвами.

— Почему вдруг бритвами? — удивился Тяпка.

— Ну, чем-то надо торговать, — сказал Налле Лапсон. — А бритвы — они маленькие, удобные, их носить не тяжело.

— А где ты их возьмешь, бритвы? — спросил Тяпка.

— Куплю в скобяной лавке, — сказал Налле Лапсон. — А потом продам.

— Вообще-то странно, — сказал Тяпка. — Если ты сперва что-то купишь, а потом продашь, то с тем же успехом можно не делать ни того ни другого. На мой непросвященный взгляд.

— Сразу видно, что ты ничего не смыслишь в коммерции, — снисходительно усмехнулся Налле Лапсон. — Понимаешь, я стану покупать их дороже, чем продавать, или что я говорю, я буду продавать их дешевле, чем... Нет, опять не то.

Налле Лапсон задумался.

— Мне кажется, я понял, что ты имеешь в виду, — сказал Тяпка. — Ну что, пошли в скобяную лавку?

Сказано — сделано.

— Прошу прощения за беспокойство, — начал Налле Лапсон в скобяной лавке. — Но вот моя визитка. А это визитка моего товарища.

— Очень приятно, — сказала лавочница.

— Я бы тоже так сказал, — сказал Налле Лапсон. — Хотелось бы теперь узнать, почем стоят бритвенные лезвия.

- Товар у нас качественный, — сказала лавочница. — По двадцать эре штука, или одна крона за пачку.
- А в каждой пачке их по три, как я понимаю, — сказал Налле Лапсон.
- Вообще-то по пять, — заметила лавочница.
- Вот как, — сказал Налле Лапсон, усмехаясь. — Ну да, ну да, ясно же, что по пять. Посмотрим, сколько у меня с собой денежек.
- Денег было ровно пять крон.
- Дайте мне тогда лезвий на все, — попросил Налле Лапсон.
- Благодарю вас, — ответила лавочница.
- Тяпка пихнул Налле Лапсона в бок.
- Не стоит тратить все деньги сразу, — шепнул он.
- Это уж я сам разберусь, — шепнул в ответ Налле Лапсон.
- И забрал все пять пачек бритвенных лезвий. По пять штук в каждой.
- Настроение у него было прекрасное.
- Надо написать Лотте и рассказать об этом, — сказал он.
- После чего с большим старанием вывел на листке:

ДАРАГАЯ ЛОТА!

**КАК ТЫ МЫ АТЛИЧНА. ЗАРАБАТЫ-
ВОЕМ ДЕНГИ НА ПРАДАЖЫ БРИТОВ.
СКОРО БУДИМ ДОМА.**

ТВАИ ТЯПКА И НАЛЛЕ ЛАПСОН

— У тебя почтовая марка есть? — спросил он Тяпку.

— Нет, — ответил Тяпка. — А у тебя?

На то, чтобы купить марку, денег уже не осталось.

— Тогда погодим опускать письмо в ящик, пока не заработаем на бритвах, — сказал Налле Лапсон. — За этим дело не станет!

Глава двадцатая

Куда они подевались?

Но бритвенная коммерция не задалась.

Сперва Налле Лапсон позвонил в дверь фрекен Сельмы Канареймерс. — День добрый! — поздоровался Налле Лапсон. — Вас беспокоит Н. Лапсон, мы торгуем бритвенными лезвиями. Не желаете ли приобрести пачечку? — Как вам не стыдно! — закричала фрекен Канареймерс. — На что мне бритвенные лезвия?

А из дверей тем временем, заливаясь лаем, выскочил маленький злобный мопс и тяпнул Тяпку за ухо.

Не успел Тяпка тяпнуть его в ответ, как мопс удрал в дом, а фрекен Канареймерс захлопнула дверь.

— По-моему, с твоей коммерцией что-то не так, — сказал Тяпка.

Налле Лапсон почесал в затылке. — Сам не пойму, — сказал он. — Я ведь был любезен как не знаю кто!

— Вероятно, не стоило предлагать бритвенные лезвия даме, — ответил Тяпка. — Что-то мне подсказывает, что это не совсем уместно.

— Может, ты и прав, — согласился Налле Лапсон.

Надпись на следующей двери гласила: «ОПТОВИК ЛЮДВИГ ЛЕММИНГ».

— По крайней мере, это мужчина, — сказал Налле Лапсон и позвонил.

Тяпка старался держаться на заднем плане. Никогда ведь не знаешь, откуда выскочит очередной дурацкий мопс.

Но мопс не выскочил, а на пороге показался оптовик Людвиг Лемминг — мужчина с большой белой бородой.

— Простите за беспокойство, — любезно начал Налле Лапсон, — но не самого ли Деда Мороза я имею честь... нет, что это я, я хотел сказать, не самого ли оттоптовика Лемминга я имею честь видеть в этих дверях?

— А чего вам надо-то? — спросил оптовик Лемминг, причем без малейшей любезности.

— Видите ли, — ответил Налле Лапсон, — чтобы не тянуть кота за хвост и не откладывать его в долгий ящик, я предпочел бы сразу перейти непосредственно к делу.

— Валяйте, — сказал оптовик Лемминг.

— А дело мое такое, — сообщил Налле Лапсон. — Я продаю бритвенные лезвия. По крайне льготной цене.

— Я не брею бороду, — рявкнул оптовик Лемминг. — Вы что, не видите?

И захлопнул дверь.

Но следующий покупатель, кажется, клюнул.

— Почему? — спросил мужчина, открыв дверь номер три.

— Цена льготная, — сказал Налле Лапсон. — Всего двадцать пять эре пачка.

— И правда дешево, — согласился мужчина. — Раз так, я купил бы пачек десять.

— К сожалению, в данный момент у нас их всего пять, — сказал Налле Лапсон. — Сегодня на них бешеный спрос. Сами понимаете — разгар сезона. Но попозже я раздобуду вам еще.

— Ладно, возьму пока пять, — согласился мужчина. — Это крона с четвертаком.

И он протянул Налле Лапсону пять монет по двадцать пять эре.

— Позвольте выразить вам глубокую признательность, — сказал Налле Лапсон и поклонился. — Надеюсь, наше коммерческое взаимодействие успешно продолжится к обоюдному удовольствию. Теперь идем домой снимать кассу, — сказал Налле Лапсон Тяпке. — Так делают все, кто занимается коммерцией.

— Я мало чего понял, — признался Тяпка.

— Все очень просто, — сказал Налле Лапсон. — Я покупаю лезвия по двадцать эре, а продаю по двадцать пять. Получается прибыль.

— Я, конечно, считать не мастак, — сказал Тяпка, — но мне всегда казалось, пять крон стоят побольше, чем пять жалких четвертаков.

— Недалекий ты, Тяпка, — сказал Налле Лапсон. — Пойми, эти пять четвертаков и есть прибыль!

— А куда в таком случае подевались пять крон? — поинтересовался Тяпка. — На которые ты лезвия купил. В скобяной лавке. — Тоже верно, — согласился Налле Лапсон. — Куда они подевались?

Глава двадцать первая

Палатка или что-то вроде

— Это довольно-таки возмутительно, — сказал Налле Лапсон и почесал в затылке.

— То, что ты все перепутал? — спросил Тяпка.

— Когда приходится держать в голове столько всякой всячины, — сказал Налле Лапсон, — немудрено и забыть, что двадцать эре стоит лезвие, а не вся пачка.

— Это да, — согласился Тяпка. — Но теперь-то уж делать нечего. А в кассе у нас теперь только крона да четвертак.

— Придется снова писать Лотте, — решил Налле Лапсон. — Даже хорошо, что прошлое письмо мы так и не отправили.

Новое письмо Налле Лапсон сочинял часа два. И в конце концов получилось вот что:

ИЩОРАС ДАРАГАЯ ЛОТА!
КАК ТЫ ПАЖЫВАЕШ МЫ ХАРАШО.
МЫ БЫ ХАТЕЛИ БЫ ПАПРАСИТЬ

**ДЕНЕК В ЗАЙМЫ. ШТОБЫ И СЕСТРАМ
ЮХАНСОН И НА БЕЛЕТ ДОДОМА.
ОТ ТЯБКИ И НАЛЛЕ ЛАПСОНА**

Заклеивая конверт, Налле Лапсон вздохнул.

И оба вышли в город, Налле Лапсон и Тяпка. Наступил вечер. В киоске Налле Лапсон купил почтовую марку в двадцать пять эре. После чего у друзей осталась ровным счетом одна крона.

Налле Лапсон крутил и вертел в лапах последнюю монетку.

— Ты какой-то задумчивый, — заметил Тяпка.

— Я хотел спросить у тетеньки в киоске одну вещь, — сказал Налле Лапсон. — Как думаешь, Тяпка, стоит или нет?

— Зависит от того, что за вещь, — ответил Тяпка.

— Шоколадка на витрине, — сказал Налле Лапсон.

— Тогда, думаю, стоит, — ответил Тяпка и облизнул нос.

— Прошу прощения за беспокойство, — обратился Налле Лапсон к тетеньке

в киоске. — Но почему вон та, так сказать, шоколадка?

Шоколадка стояла как раз крону.

— Беру, — сообщил Налле Лапсон.

И по-братски разделил ее с Тяпкой.

— Кстати, — сказал Налле Лапсон. — Это была наша последняя крона. И больше у нас денег нет.

— Зато как вкусно! — ответил Тяпка и тщательно облизал свой нос.

Друзья бродили по улицам. Летний вечер выдался ясный и теплый.

Они вышли на главную площадь.

— Что это там? — удивился Тяпка. — Странное такое, прямо посреди площади!

— Палатка или что-то вроде, — сказал Налле Лапсон.

— Выглядит крайне подозрительно, — сказал Тяпка. — Уж не живет ли там кто под этой занавеской?

— Слушай! — сказал Налле Лапсон. — У меня идея! Мы же можем там переночевать! И деньги сэкономим. В смысле, не задолжаем сестрам Юхансон за лишнюю ночь.

— Здорово! — согласился Тяпка. — Я никогда не жил в палатке. А ты?

— Что-то тоже такого не припомню, — ответил Налле Лапсон.

— Интересно, подают ли в палатках мясные косточки, — вздохнул Тяпка.

Глава двадцать вторая

До чего живой памятник!

Духовой оркестр грянул марш.

Что такое? Налле Лапсон тер глаза спросонок. Редко ему приводилось засыпать так крепко, как под этой занавеской.

Тяпку не разбудила даже музыка. — Вставай, Тяпка! Уже белый день на дворе!

Налле Лапсону с трудом удалось добудиться приятеля.

Но почему вокруг палатки так громко играет музыка?

Налле Лапсон глянул через дырочку в ткани и увидел, что площадь полна народу.

Музыка умолкла, и теперь кто-то разговаривал возле самой палатки. Вернее, держал речь.

— Поостерегся бы полиции, — заметил про себя Налле Лапсон. — Небось и не знает, бедняга, что в этом городе берут штраф, если выступаешь с докладом.

— ...нас переполняют радость и гордость, — говорил между тем голос снаружи, — что наконец-то появится памятник, воплотивший живой образ великого сына нашего города и губернии, ученого, путешественника и друга животных — Карла Августа Медвёрна! А теперь я попросил бы снять покрывало!

Палатка оказалась покрывалом! Кто-то его сдернул, и все увидели скрытый под ним памятник. Он представлял собой мужчину — ученого, путешественника и друга животных Карла Августа Медверна. А у ног Карла Августа Медверна сидели Налле Лапсон и Тяпка и сонно жмурились.

По толпе пробежал шорох.
— До чего живой памятник! — сказал кто-то. — А медведь и собака ну прямо настоящие!

Тут Налле Лапсон встал, а Тяпка потянулся.

Началось светопредставление! Все бросились врассыпную, многие кричали «Помогите!», а несколько пожилых дам упали в обморок.

В общей неразберихе Налле Лапсон вдруг заметил на мостовой медовую карамельку.

Но это оказалась не карамелька. А какой-то желтый камушек, крепко приделанный к золотой иголке. — Странная какая штуковина, — сказал Налле Лапсон. — Наверное, ее кто-то потерял.

Налле Лапсон подпрыгнул и забрался на плечи Карла Августа Медверна.

— Алло, алло! — крикнул он так громко, как только мог. — Говорит господин Н. Лапсон! Тут обнаружена некоторая штуковина, похожая на медовую карамельку на иголке. Она будет возвращена владельцу по предъявлении описания возле памятника!

— Мое сокровище! — закричал губернатор — тот самый мужчина, который держал речь. — Моя драгоценная булавка для галстука! Подарок вдовствующей герцогини Хэрьедальской! Как мне вас отблагодарить?

И он пожал лапу Налле Лапсону.

— Можно деньгами, — ответил Налле Лапсон. — Скажем, в размере одной кроны.

Губернатор достал кошелек. И представляешь, что получил Налле Лапсон? Банкноту в целых сто крон!

— Но это слишком много! — воскликнул Налле Лапсон. — Зачем мне целая десятка?

* * *

Так что закончилось все очень хорошо.

Сестры Юхансон ни в какую не желали брать плату с Налле Лапсона.

— Тогда я обижусь, — заявил Налле Лапсон. — Пятьдесят крон я бы отвез домой бабушке и Лотте, а остальное заберите! Потому что в Лильбакку нас, между прочим, отвезут бесплатно. На машине губернатора. Ему туда все равно ехать.

Это было совсем даже не дурно — прикатить в Лильбакку на губернаторской машине!

— На поездах вообще ездить незачем, — заметил Тяпка. — Раз существуют автомобили.

Представляешь, как обрадовались Лотта и бабушка, когда Налле Лапсон вернулся домой!

— Я так беспокоилась, — сказала Лотта. — Я получила твое письмо, но не знала, куда выслать деньги. Ты же адреса не написал!

— Я просто пошутил, — ответил Налле Лапсон. — Ты забыла, что я обещал привезти домой пятьдесят крон? Прошу — вот они!

И Налле Лапсон с легкой небрежностью бросил ей пятидесятку.

Осталось сказать, что в доме почтмейстера все тоже обрадовались возвращению Тяпки. Особенно радовался почтмейстер. Теперь у него снова были обе тапки!

Кто такой Налле Лапсон и за что его любят дети и взрослые?

Однажды мы брели вдоль рядов по шведской книжной выставке в Гетеборге и наткнулись на большой отдел букинистической книги, где провели не один час. Мы сидели в уютных креслах, пили кофе и перебирали стопки старых книг и пластинок. В какой-то момент среди них мелькнули удивительно милые обложки с иллюстрациями, на которых медвежонок с наивными добрыми глазами принимает ванну, несет огромную собаку в корзине, танцует, надев на голову ведро. Эти книжки были настолько очаровательны, что мы купили их и привезли в Москву. Мы быстро поняли, что медвежонок должен заговорить по-русски и стать всеобщим любимцем. По-шведски его звали Nalle Lufs, что буквально означает «ко-солапый медвежонок». Но нам не хотелось терять отсылку к его скандинавскому происхождению, поэтому мы решили назвать его Налле Лапсоном — таким образом он одновременно остается шведом и приобретает говорящую фамилию.

Создатель Налле Лапсона — Йоста Ларс Август Кнутсон (1908—1973) — шведский писатель, переводчик и радиопродюсер. В детстве он много

читал, мечтал стать учителем или библиотекарем и даже выпускал для своих родителей еженедельную газету. Будучи студентом филологического факультета университета Упсалы, Йоста начал вести на университетском радио собственную программу для детей. В 1937 году он сочинил серию историй о котенке по прозвищу Бесхвостик Пелле, которые впоследствии стали классикой шведской литературы (у Пелле был прототип — реальный шведский котенок, которому крыса отгрызла хвост). Вскоре на свет появились книжки-картинки, мультфильмы, спектакли и пластинки о приключениях Пелле. В Швеции он был популярен не меньше Тома и Джерри, появившихся несколькими годами позже, а Йоста Кнутсон называл его своим альтер эго.

Первые книги о Налле Лапсоне были опубликованы вскоре после войны, в 1949 году, а через несколько лет появились комиксы по мотивам книг. Их герой — маленький медвежонок с глазами-бусинками, который, проснувшись от зимней спячки, не нашел свою маму и отправился в путешествие. Налле Лапсона ждет множество приключений, он находит настоящих друзей — девочку Лотту и собаку по имени Тяпка, учится читать и считать, попадает в полицейский участок.

Налле Лапсон стоит в одном ряду с двумя знаменитыми литературными медведями — Винни-Пухом и Паддингтоном. Почему герой-медвежонок так популярен во все времена? Индустрия игрушек стремительно развивается и меняется, совершенствуются кукольные наряды и аксессуары, появляются говорящие роботы и новые модели машинок, но среди любимых игрушек у каждого ребенка неизменно есть плюшевый мишка, который за последние два столетия почти не изменился. В отличие от Барби и гоночных автомобилей с радиоуправлением мишка ничего не требует от ребенка. Он добрый, смешной, наивный и неуклюжий.

Книги о Налле Лапсоне неоднократно издавались с иллюстрациями разных художников. На них выросло не одно поколение, он стал популярным героем, олицетворением старых добрых времен, и взрослые шведы до сих пор вспоминают его с ностальгией, а дети — с удовольствием читают истории про него.

Книги Йосты Кнутсона переведены на десять языков, в его честь даже назвали астероид № 8534.

*Ксения Коваленко
Татьяна Кормер*

Литературно-художественное издание
для младшего школьного возраста

В соответствии с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 6+

**Кнутсон Йоста
Налле Лапсон и Тяпка**

Иллюстрации: Лисбет Хольмберг

Перевод со шведского Екатерины Чевкиной

Редактор Сергей Петров

Дизайнер-верстальщик Николай Кормер

Корректоры Ольга Левина, Зоя Скобелкина

Главный редактор Ксения Коваленко

Генеральный директор Татьяна Кормер

ООО «Издательство Альбус корвус»

albuscorvus.ru,

readers@albuscorvus.ru

Магазин: albuscorvus.shop

Подписано к печати 21.08.2019

Формат 84 × 108/32

Печать офсетная.

Тираж 2000 экз.

Заказ № 3810

ISBN 978-5-00114-077-1

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Налле Лапсона придумал шведский писатель, переводчик и режиссер Йоста Ларс Август Кнутсон (1908—1973) в 1949 году.

Налле Лапсон — маленький медвежонок с глазами-бусинками, проснувшись от зимней спячки, не нашел свою маму и отправился в путешествие. Медвежонок ждет множество приключений, он находит настоящих друзей — девочку Лотту и собаку Тяпку, учится читать и считать, путешествует на автомобиле. В Швеции Налле Лапсон так же знаменит, как Винни-Пух и Паддингтон.

Это третья книга, в которой Налле Лапсон отправляется в путешествие со своим другом Тяпкой.

6+

ЕАС

КАЖДЫЙ ЧИТАТЕЛЬ
УНИКАЛЕН
ЛОБАНЬ МАРИНОВИЧ
УСЛОВНА

